

В статье "Суеверия и бывальщины", посвященной результатам экспедиции на Пинежье 1927-го г., Ирина Валерьяновна Карнаухова пишет: "Вера в нечисть настолько жива и актуальна, что 75 % разговоров, с чего бы они ни начинались, кончались рассказами о проделках нежити и встречах с нею". Конечно, такой живости мифологических представлений экспедиция 2008 г. не застала, но былички - едва ли не самый распространенный из записанных нами жанров, только к началу XXI в. в нем произошли некоторые трансформации, о которых я попытаюсь рассказать в докладе.

Число сообщивших мифологические нарративы - 54 человека. Из них: в гендерном плане - 41 женщина, в возрастном - 67-75 лет (27 исполнителей) и 77-87 лет (13 исполнителей).

Материалы экспедиции этого года я сравнивала с записями 20-х гг. (по публикации И.В. Карнауховой) и 70-80-х гг. (сборник "Мифология Пинежья", 1995).

Состав демонологического пантеона не претерпел существенных изменений: исполнители знают о лешем, обдерихе, чиликунах и других персонажах. Но сильно изменилась включенность информантов в мифологический контекст. Это, в частности, отразилось в жанровом спектре зафиксированных нами текстов.

Об овиннике, амбарнике, гуменнике знают очень немногие. Хозяйственная деятельность, связанная с данными постройками (местами обитания перечисленных духов) уже не занимает такого места в жизни людей, как прежде. Соответственно резко сузилась востребованность сохранения в памяти информации о том, как человек должен выстраивать с ними отношения. О чиликунах рассказывали многие исполнители, но эта информация представлена исключительно в жанре поверья, к тому же нередко опровергаемая самими опрошенными (типичная реакция на наши вопрос об этом персонаже: *"Раньше стары тоже: "Рождество. Сегодня чиликуны выедут". Пугают ли, не пугают. "Из реки, из пролуби выйдут чиликуны сегодня, дак не ходите на Рождество". По Крещенье. Всё пугают нас. Кто видал на свете? Никто не видал. Только говорили. Нуравзе давным-давно. Кому что приснилось. А так никто не видал. Сплетни от старых людей. [Не говорили, что они на ступах или на печках ездят?] (Смеется) Не знаю. Быва, в пролубь уйдут. Это, я думаю, сказка. Нарочно ребятишек пугали. Кто 150 годов прожил, у тех надо спрашивать"* - д. Ёркино, П.Г. Жигалова, 1930 г.р., АКФ 2008, т. 1, № 366). К подобному статусу приближается и обдериха, хотя рассказы о ней бытуют и в нарративной форме. В 70-80-е гг. отношение к этим персонажам было совершенно иным: они воспринимались серьезно, как объективная реальность, и рассказы как о чиликунах, так и об обдерихе бытовали в форме меморатов.

О подобной трансформации можно говорить и в отношении сюжетного состава мифологической прозы. Рассмотрим это на примере рассказов о лешем. В 1920-е - 70-80-е гг. леший являлся человеку в разнообразных визуальных и акустических образах. В настоящее время явно доминируют акустические. Сюжеты о взаимной помощи лешего и человека, о наказании им человека за неправильное поведение не зафиксированы вовсе. Одним из факторов их не востребоваемости может быть сокращение роли лесных промыслов (лесозаготовок, охоты) в жизнедеятельности современных пинежан. В активном репертуаре сохранились лишь сюжеты, связанные с вредительством лешего: он водит или пугает тех, кто ходит в лес по грибы и ягоды.

Важным показателем степени сохранности традиции является интерпретация и оценка ее самими информантами. В этом смысле современные пинежане явно предпочитают рационалистический вариант сверхъестественному: *"...человек сам сходил с ума. Терял рассудок и сам бродил по лесу, как леший"; "Так заведи тебя и, если тебе лес-то не знаком, тоже заблудишься! Не леший заблудит..."; "Леший водит или кто там тебя водит. Но я-то считаю, что по-теперешнему все, по-научному все это что-то аномальное, наверно"; [на вопрос о том, может ли домовый давить ночью] "Может, бывает. Давление. Давление это всё творит. Раньше вить не было давления-то, не мерили. А теперь всё на давлении"; "...а раньше все*

пугали, что в воде водяной. Вот ты попадешь в застру?гу, в яму, кружишься и никуда. Вот и водяной"; "В овинах еще пугали. Овинник называется. ...Трещат там. Ветер дует, стучит там тоже, вот и говорили: овинник"; "Это просто нервное заболевание... Сажали икоты - на нерв человека действовали. Типа психолог"; "Ну, это повидится. Запугать тоже. Эти бесы запугивают. Теперь летают эти... НЛО всякие. Тоже ведь! Кто знает, как летают? Тоже. Те же бесы. И тогда виделось..."

Менее всего изменилась мифологическая проза о людях, наделенных сверхъестественными способностями. Наши материалы подтверждают мнение Е.Е. Левкиевской о том, что "настоящая" быличка, отвечающая информационной, фатической, дидактической функциям, тяготеющая к беседе, быличка, которую информант рассказывает сам, а не потому, что вопросы собирателя заставляют его припоминать неактуальные сведения, - это быличка о колдунах и покойниках (статья "Прагматика мифологического текста" в сб. "Славянский и балканский фольклор". М., 2006). В качестве примера я остановлюсь на сюжетах о посадении икот. О его популярности свидетельствует хотя бы тот факт, что на Русском Севере пинежан называют именуют *икотниками*.

Икота - болезнь, которой на Пинежье в основном подвержены женщины (о посадении икот в мужчин нами зафиксировано только два случая).

Выводятся икотки колдунами в лукошке под печкой: *"Были вот эти все икоты они у неё под печкой в коробках разных, корзиночках. Такие коробки, и под печкой такие там всё тряпки, тряпки, все узлами связаны, и сколько узлов - столько икот. А эту икоту, если сидит она в этом завязанном, надо ведь развязать и тебе с чем-то дать, чтобы ты её съела с чем-то эту икоту, или выпила с чем-то. ...Просто наговор там завязан"*.

Способ и форма проникновения икоты в человека описывается информантами по-разному и не совсем внятно: это либо слова, наговор, насекомое, садящиеся на еду, либо невидимка, сгусток словесной энергии, каким-то образом проникающий внутрь человека: *"Икота-то заговорила: "Мы вместе с Василием-то ели. Мы, говорит, в конфетах наелися...Но. Вот оно в конфетах наговоренно. Наговаривают да плюют. Плюнут эту свою наговору-то"*. Икота может сидеть в доме или в хозяйственных постройках и ждать момента, чтобы попасть в человека. В основном это случается при лешакании или чертыхании: *"Говорит [икота Ванька], как попадал, как что. В печь садил, дров складывал в печи, я, говорит, думаю, ты как лешакнишься, я и запрыгну. То на поветь ходил, с повети скоту подавать, ты тоже, может, лешакнишься, так я и попаду. Вот никак не мог. Когда некогда попал уж. Вот если чертнишься или лешакнишься, вот и попадал. А кто благословясь, так не попадешь"*.

По проявлению и поведению в больном икота представляется существом антропоморфным: она разговаривает, отвечает на вопросы. В своей физической ипостаси, которая выявляется уже при излечении, это скорее нечто зооморфное. Иногда у икотки есть имя. Например, у двух женщин были мужские икотки: одну звали Ванька, другую Николай Авдотьевич. Свое имя, имя колдуна, который ее вывел, обстоятельства, при которых она попала, икота часто сообщает сама: *"Ак ходили тут соседки в баню. Дак вот у неё, у ей икота-то была посажена. ...Ак, спросишь, как тебя зовут, дак, говорит: Николай Авдотьевич. ... А ходила в баню с нами, всё она, женщина -то та, дак это, помоем, дак это тоже скажет: "Как хорошо умылся я". ...как мушшина посажен-та! А Авдотья посадила, дак Николай Авдотьевич всё говорил"*.

Икота проявляет себя, когда ей что-то не нравится. Она начинает кричать нечеловеческим, неприятным голосом, ругаться, материться: *"Да ведь неудобно. Прямо неудобно. Сидишь где-нибудь. Соберемся родня, там, в гостях, вот чего-нибудь принесут, не нравится мне, и самопроизвольно икаешь. Оно прошло у меня. Иной раз и не совсем прошло. У меня так просто кричала. А есть - говорит. Не хочешь, а она сама говорит"*.

Часто икоте не нравится нечто определенное (чаще всего спиртные напитки или чай): *"Вот*

человек сидит. Выпьет стопку ...и сразу: "Кака! Кака! Кака!". Водку ругает: кака - пить нельзя и вредно. А пить вот хочется, и как выпьет: "Кака! Кака! Кака!". Вот говорят, что ему посажена была икота. Вот именно такая"; "...говорит: "Налей-ка мне чаю". Небольшая кухонка. Чтоб там никого не беспокоить, я налила ей чаю в чашечке как обычно. А она не словами, а там закричала, закричала, закричала: "Доливай скорей!" Говорит: "Я всегда люблю, чтоб из чашки выливался прямо в блюдце чай, а вот неполную чашку икота у меня не любит", - говорит".

Больной может не помнить или не знать, что он говорил в момент, когда в нем проявлялась икота. При этой болезни медицина бессильна - помочь может только знающий человек.

Чаще всего используют настои из рвотных трав. У больного вызывают рвоту, при которой должна выйти и некая субстанция, материализующая собой эту болезнь. Видевшие или пережившие этот процесс описывают вышедшую икоту как "лягушачий норост" или "какой-то комок", жидкость вроде холодца: "Ее вырвало. Лечили ведь икоту. Ее вырвало и такая жидкость какая-то вот трясущаяся. ...рыхлая такая. Большая... с тарелку". Бабушку одной из исполнительниц поили табаком. *"Все, - говорит, - лапки опалили мне". Ванька сказал. "Все, - говорит, - лапки опалили мне". А потом замолчал. А до этого все говорил, что не спросят, все говорил".*

Чтобы излечиться самому, икоту передают другому, "кто такое же имя носит".

Смерть больного икотой описывается по аналогии со смертью колдуна: *"А помирать-то, говорят, как они будут, икоты-ти, не могут умереть..."*.

В заключение замечу, что корпус записанных в экспедиции текстов, посвященных икоте, весьма разнообразен в жанровом отношении - поверья, слухи и толки, фбулаты и мемораты.